

Воспоминания о Н.В. Глотове

Владимир Леонидович Семериков

д.б.н., заведующий лабораторией молекулярной экологии растений
ИЭРиЖ УрО РАН

Н.В. Глотов - из числа наиболее ярких людей, с которыми мне довелось общаться. Я помню его с детства, когда он бывал у нас дома в пос. Афицкий Красноярского края, где мы тогда жили. В 1967 г. мой отец Леонид Филатович Семериков поступил в аспирантуру в Кубанский университет на кафедру ботаники к профессору Дмитрию Ивановичу Красильникову. Красильников предложил ему тему работы по дубам Кавказа, но формулировка темы отца не устроила, поскольку он уже тогда интересовался генетикой, а Д.И. Красильников, бывший политраблотник и участник установления советской власти на Кубани, её не знал. Он решил обратиться за советом к Н.В. Тимофееву-Ресовскому, на лекциях которого бывал еще в конце 50-х в Свердловске, и смог оценить его как выдающуюся личность. Отец поехал в Обнинск, отыскал там Н.В. Тимофеева-Ресовского и изложил ему свою проблему. Николай Владимирович позвал Николая Васильевича Глотова и Анатолия Никифоровича Тюрюканова, и они за чашкой чая обсудили возможную тему диссертации. Популяции древесных растений представляют собой интересный объект изучения механизмов микроэволюции, благодаря большой численности и жесткой связи со средой обитания. Так темой аспирантской работы Л.Ф.Семерикова стала популяционная генетика дубов Кавказа, а популяционная генетика древесных растений стала его главным научным интересом. После этого Николай Васильевич стал часто бывать у нас. Помню долгие беседы, которые отец и Николай Васильевич вели у нас на кухне. Я тогда не мог понять почти ничего из их дискуссий, но тот жар и увлеченность, с которыми они велись, производили яркое впечатление, и, по-видимому, во многом определили мою судьбу.

Вспоминаются некоторые курьезные моменты, связанные с пребыванием Николая Васильевича у нас в гостях. Однажды мой папа, Глотов, я и моя сестра Ольга пошли купаться на речку. Мне было лет 8, а сестре года три. Стоя по пояс в воде папа с Николаем Васильевичем как обычно увлеченно общались, а мы с сестрой барахтались на мелководье. Вдруг Ольга решила пойти к папе. Её быстро скрыло с головой, но этот момент никто не заметил, кроме Глотова. Он сразу нырнул, стал шарить по дну и быстро достал Ольгу, чем наверно спас её. Причем плавал он плохо. Когда плыл, то двигался скорее назад, а не вперед. Как-то, наблюдая это явление, Н.В. Тимофеев-Ресовский удивился, задумался и сказал что-то вроде: «Да, много еще удивительного в мире животных».

Один раз (я тогда еще не ходил в школу) отец с Глотовым взяли меня с собой в гости к их другу, Убинскому лесничему Анатолию Васильевичу Верещагину. Там, в станице Убинская, в красивейшем месте в предгорьях Кавказа был организован научный стационар, куда летом приезжали люди из Кубанского университета, из Москвы, из Махачкалы, бывали там Лев Анатольевич Животовский, Магомедмирза Мусаевич Мигомедмирзаев, Вячеслав Владимирович Гриценко, Вячеслав Вениаминович Тараканов и многие другие. В общем, жизнь кипела. Добираться приходилось на перекладных. В Черноморке, где мы ожидали автобус до Убинки, мой папа и Николай Васильевич решили перекусить. Они устроились на травке, достали закуску и бутылку. Тем временем я бегал поблизости. Было жарко и мне захотелось пить. Я подошел и отхлебнул из бутылки. Вместо воды там оказался чистый спирт. Дыхание перехватило, горло обожгло. Мне стали стучать по спине и отпаивать водой. Я заревел. Матери не говори – сказали взрослые, когда я пришел в себя. В автобус меня заносили уже спящим.

В 1973 году наша семья переехала в г. Миасс, в Ильменский заповедник. Готов часто приезжал туда и подолгу оставался у нас в связи с анализом данных по дубам Кавказа и написанием статей по полученным результатам. Я тогда учился в 4-м классе и Николай Васильевич, случалось, помогал мне делать домашние задания. С математикой у меня тогда было неважно и мне довелось оценить его педагогические способности, когда он терпеливо и доходчиво объяснял мне решение задач.

Другие яркие воспоминания о нашем общении с Николаем Васильевичем относятся к более недавнему времени. Во второй половине 80-х годов повышенное внимание научной общественности к проблемам антропогенных трансформаций биоты в связи с нефтегазовым освоением Западной Сибири определило выделение средств на эту тематику. В Среднем Приобье стали активно работать несколько исследовательских групп из научных учреждений биологической направленности. В их числе были Ленинградский университет (Готов Н.В., Максименко О.Е.), Институт общей генетики (Животовский Л.А., Подогас А.В.), Институт экологии растений и животных (Семериков Л.Ф., Плотников В.В., Воронин В.А., Павлинин В.В. и др.). В 1986 году я участвовал в полевых исследованиях в Нефтеюганске. Мы собирали материал (кедр, сосна, клевер ползучий, двукисточник) и даже проводили непосредственно в Нефтеюганске аллозимные анализы. Это было очень здорово, и вся наша активность сопровождалась дискуссиями с участием Льва Анатольевича и Николая Васильевича. Однажды большой группой мы отправились в кедровники в районе деревни Чеускино на нашей яхте «Флора». Дошли туда и вернулись обратно на одних парусах. Хорошее было время.

Все и всегда отмечали выдающиеся личные научные заслуги Николая Васильевича. Не менее ценной мне представляется его роль, как проводника научного мировоззрения и культуры в целом. Все знают об огромном количестве людей, которых он воспитал как научных работников, которых он направил, для которых он был учителем. Эти люди есть в самых разных отраслях знания – от медицины до лесоведения и что важно – во многих частях России: от Петербурга до Новосибирска. Этим он посеял семена научного знания, передал эстафету исследователей предыдущего поколения и в этом его заслуга как патриота. Этим он опроверг упрек Н.В. Тимофеева-Ресовского, высказанный им сгоряча своему аспиранту Н.В. Готову, что молодые - патриоты только на словах.